

ЭТИМОЛОГИЯ ЛЕКСИКИ НИЖНЕНЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

S. Dubinin

Staatliche Universität Samara

ETYMOLOGIE DER LEXIK NIEDERDEUTSCHER HERKUNFT IN DER MODERNEN DEUTSCHEN STANDARDSPRACHE

Im Aufsatz werden ca. 800 niederdeutsche Entlehnungen im modernen Standard etymologisch und chronologisch untersucht.

Лексическая норма немецкого литературного языка – негомогенный продукт стихийных тенденций унификации, берущих начало в территориальных вариантах письменно-литературного языка XV–XVI вв., и последующих целенаправленных селективных усилиях нормализаторов. Лексико-семантическая система общенемецкого языка отразила результаты многовековых процессов выравнивания, сочетая исконные элементы, унаследованные от дописьменной эпохи, со значительным словарным фондом, ставшим его частью вследствие непосредственных и дистантных языковых контактов, этнокультурных, политико-экономических связей.

Отпечаток на лексическую систему общенационального немецкого языка наложила историческая специфика его формирования в отсутствие единственного центра. Попытки определить ареальную локализацию, социальную базу «непосредственной основы» современного литературного языка привели к констатации невозможности ограничения одним регионом и социальным стратом [4, с. 10]. Особую значимость приобрели работы, следующие концепции *полицентричности* становления литературного языка, согласно которой все регионы немецкого языкового ареала признаются участниками формирования надрегиональной нормы [1, с. 5–11]. Часть из них (восточносредненемецкий, восточноверхненемецкий) явились ведущими

ми, прочие образовали периферию процесса унификации, играя менее активную роль в складывании надрегиональной нормы.

Одним из периферийных был ареал распространения *нижненемецких* диалектов севера Германии. Частично общая ареальная база и языковой тип сближают нижненемецкий с нидерландским и «североморскими» языками (фризским, английским). Но генетическое родство со средне- и верхненемецким в рамках западногерманской языковой общности исключало «барьер» между ними, а политико-культурное превосходство немецкого юга (особенно в XII–XIII вв. и XVI–XX вв.) определило включение северных областей Германии в общенемецкую языковую ситуацию. Функционирование нижненемецкого в качестве официального языка Ганзы в позднем Средневековье сопровождалось начальной нормализацией его письменной формы, что позволяет говорить о формировании в нижненемецком ареале особого территориального варианта письменно-литературного языка [2, с. 5–7]. Несмотря на влияние южных областей на нижненемецкий с момента его переориентации на франкскую метрополию (V в.), включение нижненемецкого в функциональную парадигму верхненемецкого языка до ранненововерхненемецкого периода не правомерно.

Изучение формирования немецкого литературного языка и исследование нижненемецкого на различных этапах истории долго не пересекались. Синхронное изучение нижненемецких диалектов и исторического развития автохтонного идиома Северной Германии было сопряжено с преодолением комплекса «ущербности» по отношению к победившему языку верхненемецкого типа. Очевидное влияние нижненемецкого на верхненемецкий лишь вскользь упоминалось в работах по истории немецкого языка.

Длительное контактное взаимодействие ниже- и верхненемецкого в диахронии и его результаты на современном этапе существования общенемецкого стандарта представляют плодотворную основу исследования конвергентного развития двух идиомов. Уникальность этой языковой ситуации заключается в документированности, экстралингвистической детерминированности, изменении социолингвистических параметров использования контактирующих языков. Интерес к участию нижненемецкого как периферийного (пассивного) ареала в становлении общенационального немецкого

языка очевиден, но исследование пока ограничено частными аспектами анализа языковой системы [3, с. 6–14].

Атрибуция и ситуация «нижненемецкого» заимствования в верхненемецкий язык неоднозначны. Во взаимоотношении нижненемецкого и верхненемецкого престижность последнего стала одной из причин утраты Niederdeutsch статуса литературного языка. Тем не менее, в специальной литературе, в первую очередь в этимологических и исторических словарях, обычны указания на время заимствования нижненемецкого слова, называются имена исторических лиц, благодаря которым то или иное слово получило распространение в общенемецком языке. Рассмотрение проблемы соотнесения растянутого во времени процесса ассимиляции заимствования с хронологической канвой требует учета истории этих близкородственных идиомов (в частности, истории отдельных слов).

Этимология опирается в анализе исходных форм и значений, их развития в хронологической привязке на данные письменных источников как основной материал. Поэтому история слов есть, по сути, история письменной их фиксации. Это не касается восстановленных на основе закономерных формальных соответствий праформ, которые не могли быть засвидетельствованы в письменных источниках. Вынужденная ориентация на зафиксированные на письме памятники делает всякую периодизацию (в том числе лексических заимствований) относительной. Такая временная характеристика представляет собой лишь хронологическую атрибуцию письменной фиксации лексики. Так, схема, предложенная В. Зандерсом [6, S. 123–125], показывает зависимость исследовательской базы историко-лингвистических исследований от временной удаленности исследуемого периода. Чем более ранний период рассматривается, тем меньше сохранившихся памятников, материала для диахронических исследований. Критерием появления слова становится время его первоначальной письменной фиксации, критерием момента заимствования – время, когда оно впервые фиксируется в заимствующем идиоме. Этимологические исследования призваны проследить диахроническое развитие слов с формальной и содержательной сторон, но не менее важны факты внешней истории, дающие косвенную информацию. Освоение объектов материальной культуры, роль событий, языковой авторитет личностей привлекаются для хронологизации лексики.

Нижненемецкий «материал» в общенемецком лексиконе обнаруживает особенности. Так, известная лексема *Kogge f 'ког* (ист.) ганзейское судно' обозначает тип широких, округлых торговых и военных парусных судов с высокими надстройками на носу и корме, бывших основой морского господства Ганзы в XIII – XV вв. на Балтике и Северном море. Уже в XIII в. засвидетельствована нижненемецкая лексема, изначально обозначающая корабль для ловли сельди. До XV в. она вытеснила соответствующую верхненемецкую форму *двн. (heri)chohho* (ок. 1100 г.), *свн. koske, kuske*. Заимствование произошло в период с XIII по XV вв., а более точной даты, по-видимому, получить невозможно. Данный пример отражает сложности, возникающие при попытке соотнести заимствование нижненемецкой лексики в общенемецкий язык с конкретными историческими периодами.

Часто источники указывают только время первой фиксации в верхненемецких памятниках, реже время фиксации в нижненемецком. Так, словарь Вайганда/Хирта [*W*], как правило, указывает на вокабулярии, словари, реже художественные произведения, в которых впервые встречается слово. Некоторые из них являются нижненемецкими, прочие – верхненемецкими. Появление нижненемецкого слова в верхненемецком источнике представляется лишь косвенным доказательством факта заимствования. Аналогичный прием был использован при хронологической атрибуции части многочисленных терминов морского дела, но профессиональная лексика отражена в этимологических и исторических словарях незначительно.

Наконец, следует иметь в виду, что речь не может идти о заимствовании лексики из нижненемецкого литературного языка в общенемецкий литературный язык в обыденном понимании. Немецкий общенациональный литературный язык – явление позднее, сформировавшееся в основе к XVII–XVIII вв. Нижненемецкий литературный язык, согласно современным исследованиям, на всех этапах своего развития скорее «удобная» абстракция, чем историческая реальность, хотя есть основания считать, например, любекскую норму средненижненемецкого квазилитературной формой. Скорее можно говорить о письменной фиксации в верхненемецких источниках нижненемецкой лексики из-за ее коммуникативной востребованности (отсутствие лексемы с таким значением, распространенная лексема, «модное» слово, стилистически маркированная, экспрессивная

лексема) или из-за наблюдавшегося в ранней немецкой лексикографии стремления составителя словаря охватить максимальное число региональных форм (например, словарь Фриша 1741 г.), хотя вероятность последующего вхождения регионализма в лексический стандарт также зависит от его необходимости для реализации коммуникативных потребностей в рамках литературного языка.

Этимологический анализ исследованного в данной работе лексического материала на основе этимологических словарей Клуге [K], Пфайффера [P], Дуден [D], исторического словаря Вайганда/Хирта [W] и других, позволил приблизительно определить время заимствования 775 лексем, что составило 85,8 % всей выборки. 128 лексем (14,2 %) не имели данных о хронологии заимствования. Возможно, причиной этого отчасти является их меньшая распространенность, на что в словаре Duden косвенно указывают пометы (landsch.), (ugs.), (nordd.), например: fuddeln (landsch.) 'плохо работать, халтурить', rütschern (nordd., ugs.) 'отвлекаться от работы по пустякам', küseln (nordd.) 'кружиться, завихряться (о ветре)'. Этимологические словари, не преследуя цель полного охвата лексики общенационального языка, зачастую не включают в свой корпус лексику, имеющую ограниченное распространение и многие термины.

Атрибуция по времени заимствования следует наиболее распространенному в этимологических словарях способу – указанию предполагаемого столетия заимствования. Столь широкие временные рамки не всегда оправданны, поскольку время первоначальной письменной фиксации часто известно. Если считать, что интеграция в лексическую систему заимствующего идиома – долговременный процесс, то эти рамки представляются соответствующими специфике данного явления.

Целесообразно рассмотреть полученные результаты хронологической атрибуции нижненемецких заимствований в связи с динамикой условий, в которых протекал контактный процесс. Поскольку самые ранние заимствования отмечены в XIII в., а самые поздние в XX в., то изменения в динамике заимствования рассматриваются нами исключительно в этих рамках. Данных о более ранних явлениях трансфера лексики получено не было, что не исключает их гипотетически. Исходя из специфики контактных процессов возможно

выделить 3 периода в заимствовании лексики из нижненемецкого в верхненемецкий.

Первый период охватывает XIII–XV вв., время от первых зафиксированных словарями заимствований до начала активной экспансии языка верхненемецкого типа в нижненемецкий ареал. Граница конца XV в. условна, поскольку продвижение верхненемецкого в исторический ареал нижненемецкого длится после этого около полутора веков. Первый период является временем, когда между нижненемецким и средненемецким регулярно существуют лишь пограничные контакты. Север Германии, многие города которого были объединены в Ганзейский союз, дистанцируясь политико-экономически от Германской империи, ориентировался на протяжении этого периода на балтийский и североморский регион, хотя известно, что культура южных немецких земель служила образцом для северных земель.

Начало *второго* периода (XVI в.) на основании существенного изменения параметров контактного взаимодействия представляется целесообразным соотносить с постепенным проникновением языка верхненемецкого типа в официальные сферы общения (язык городских и княжеских канцелярий, школы, церкви). Этот период характеризуется развитием на севере Германии ситуации активной диглоссии, когда языком повседневного, «домашнего» общения оставался локальный вариант нижненемецкого, а официальные сферы коммуникации требовали владения активно экспандирующим языком восточносредненемецкого образца. В начале этого периода для большинства населения севера верхненемецкий язык был «иностранным». О коммуникативном барьере свидетельствовал М. Лютер в «Застольных речах» (1540-е гг.). У. Кнооп указывает с опорой на высказывания современников, что нижненемецко-верхненемецкий коммуникативный барьер оставался единственным и значительным к XVII–XVIII вв. [5, S. 36]. Постепенно восточносредненемецкий территориальный вариант литературного языка, перерастающий в основу общенационального литературного языка, проникал в сферы повседневного общения, вытесняя местный нижненемецкий диалект.

К XIX в. намечается приближение языковой ситуации к сложению стандартного языка (Standardsprache). Это знаменуется для представлений говорящих об общенемецком национальном языке переходом от

идентификации нормы с определенным региональным и социальным узусом к более высокому уровню обобщения и нивелирования возникшего в предшествующие два века благодаря сознательным усилиям «предстандарта» как системы литературного языка (в частности лексической). На рубеже XVIII–XIX вв. можно провести условную границу, знаменующую приобретение немецким языком в полной мере статуса литературного, обладающего такими релевантными признаками, как наддиалектность, полифункциональность, обработанность, стилистическая дифференциация, тенденция к регламентации [4, с. 20–34].

Характерным для этого начинающегося примерно с XIX в. *третьего* периода становится все большая экспансия письменной нормы в сферу повседневной устной речи, где традиционно доминирующие позиции занимали диалект и позднее в разной степени диалектно окрашенные региональные варианты литературного языка. Движущей силой развития становятся особо заинтересованные в единой общенациональной норме языка (в первую очередь в области лексики, где региональные различия традиционно сильны) администрация, школа, наука, публицистика, литература. Кодифицированная, признанная в качестве предписывающего образца норма должна была тормозить процесс трансфера лексики из локальных и региональных диалектных лексических систем.

Данная периодизация условна и основывается на изменении статуса воспринимающего языка по отношению к исходному языку в рамках контактной ситуации, что должно было привести к изменению параметров заимствования. Но при оценке статистических данных должна учитываться упомянутая схема В. Зандерса: из-за меньшего количества сохранившихся письменных памятников раннего периода, их не всегда однозначной атрибуции более ранних свидетельств заимствования могло не оказаться. Результаты статистического анализа выборки по трехчастной схеме выглядят следующим образом (см. таблицу 1):

Заемствование нижненемецкой лексики в различные исторические периоды

1-й период			2-й период			3-й период	
13 век	14 век	15 век	16 век	17 век	18 век	19 век	20 век
3 (0,3 %)	12 (1,3 %)	42 (4,7 %)	145 (16 %)	175 (19,4 %)	248 (27,5 %)	123 (13,6 %)	27 (3 %)
57 (6,3%)			568 (62,9%)			150 (16,6%)	

В первый период количество заимствований из нижненемецкого равномерно растет каждый век в 3–4 раза. С XVI в. темп роста числа заимствований резко замедляется, не превышая на протяжении периода 100 %. Наконец, в третьем периоде впервые наблюдается сокращение числа заимствованных лексем сразу на 50 %, а в XX в. на 78 %. Равномерный значительный рост числа заимствований до конца XV в. сменяется поначалу замедленным темпом их прироста (но еще значительным в абсолютных показателях), а затем происходит снижение динамики заимствования.

Полученные данные подтверждают обоснованность выделения 3-х периодов заимствования, исходя из условий бытования контакта. Стабильно высокий процент заимствований приходится на период, совпадающий с устойчивой диглоссией на немецком севере, с подъемом языка верхненемецкого типа в ранг общенационального литературного языка, с активно формирующейся по плюрицентрическому принципу нормой. Сдерживающее влияние нормы ощущается на последнем этапе, когда количество лексем из нижненемецкого падает параллельно с числом говорящих на нем и сокращением закрепленных за ним коммуникативных сфер.

Привлекает внимание высокий прирост числа заимствований в начальный период, когда языковой контакт, охватывающий широкие массы населения, ограничивается южной пограничной полосой на стыке со средненемецким диалектным ареалом. Вероятно, он отчасти объясняется ростом числа сохранившихся письменных памятников, активизацией экономических, культурных контактов по оси «север–юг». В абсолютных числах количество заимствований начального периода не достигает половины объема заимствованной лексики только XVI в. В этой связи следует упомянуть в дополнение к на-

званным причинам заметный подъем книгоиздания, ознаменовавший эпоху Реформации.

Реформация оказала огромное влияние не только на религиозные воззрения, но и на языковые предпочтения населения Германии. Языком реформированной церкви в Северной Германии стал язык библии Лютера, который владел и ниже- и средненемецким, не раз прибегая к использованию нижненемецких слов в высказываниях и переводах. В исследованном материале (по данным Клуге [К]) представлены 15 лексем, введенных М. Лютером в литературный узус из нижненемецкого, что составляет 1,7 % выборки. К нижненемецким лексемам, ставшим благодаря Лютеру общелитературными, относятся, например: *Lippe f* 'губа' вместо верхненемецкого эквивалента *Lefze f* '(совр.) губа (животных)', *Stoppel f* 'жнивье, стерня; щетина', *Woge f* 'вал, волна', *schüchtern* 'робкий, боязливый'.

С точки зрения выделения тенденций заимствования в зависимости от периодизации интересен факт, что в XX в. из 27 обнаруженных заимствованных лексем нижненемецкого происхождения 25 имеют пометы об ограниченном употреблении по территориальному признаку (*nordd.*), по принадлежности к профессиональной терминосфере (*Seemannsspr.*), по стилистической маркированности (*ugs.*; *ugs.*, *abwertend*). Словари, например, фиксируют ограниченное распространение (север Германии) *Bickbeere f* 'черника', *Vommel f*, *m* 'помпон', *Flarre f* '(разг.) кривой рот', *begöschten* 'успокаивать', *kiecken* 'искать (глазами), высматривать, смотреть' и др. К разговорной лексике относятся существительные *Gewese n* 'манера держать себя (бросающаяся в глаза)', *Schnulze f* 'сентиментальная песня (рассказ, постановка)', *Steppke m* 'карапуз'; глагол *quasseln* 'болтать', прилагательные *bekloppt* и *doof* 'глупый, тупой'.

Интересно, что словари начала XIX в. Аделунга [А] и Кампе [С] фиксируют 3 лексемы из заимствований, известных с XX века. Помета „*im gemeinen Leben*” характеризует 2 из них как регионализмы, не вошедшие в стандарт. Составители словарей предписывают воздерживаться от их употребления, тем не менее, они в настоящее время фиксируются как употребительные. Так, лексема *Bickbeere f* 'черника' – территориальный дублет многозначного слова *Heidelbeere f* 'черника, голубика, ягодник', известна с XVI века, но в лексический стандарт входит, по свидетельству словаря Клуге [К],

лишь в XX веке. *Nümpel m* 'стопа, куча' и *Back f* '(деревянная) миска', позднее 'стол для корабельной команды', претерпевают развитие значения (последняя фиксируется Кампе в другом грамматическом роде).

Столь значительная часть заимствований, употребление которых ограничено тем или иным образом, по-видимому, отражает тенденцию современных лексикографических источников к включению такой лексики в корпус словаря наряду с общелитературной. Одновременно можно говорить об отсутствии заимствований нейтральных в указанных отношениях лексем. Для сравнения отметим, что из 42 лексем, характеризующихся как заимствования XV в., только 2 имеют соответствующую помету как коллоквиализмы: *Schwiemel m* 'головокружение, обморок; хмель' и *blaffen* 'тявкать, лаять'. *Bönhase m* '(ист.) ремесленник-одиночка (не входящий в цеховую организацию); кустарь-самоучка' распространено на севере Германии. И. Аделунг [А], однако, отмечает, что около трети лексем имеет ограниченное Нижней Саксонией распространение. Они получают статус общелитературных после XVIII в., например: *Laken n* 'простыня'.

Интерпретация данных хронологической атрибуции сталкивается с рядом трудностей: количество сохранившихся источников, зафиксировавших факт заимствования, относительная доказательность фиксации как свидетельство включения чужой лексики в систему ассимилирующего языка. Выделение периодов заимствования на основании различия условий трансферта лексики отражено в динамике количества таких единиц. Одновременно учитывается релевантность нижненемецкого заимствования для общения в сложившемся уникальном коммуникативном сообществе, узус которого участвовал в формировании общенационального языка. Степень интенсивности контактных процессов, отразившихся на количестве нижненемецких заимствований, отражает влияние внешней истории взаимодействия ниже- и верхненемецкого идиомов. Стабильный прирост числа заимствований в период вытеснения верхненемецким нижненемецкого из официальных сфер общения сменяется спадом во время целенаправленного отбора общенемецкого лексического фонда. После успешной кодификации «предстандарта» в общенемецких словарях наблюдается сдерживающее влияние нормы на заимствование из регионального словаря с переходом к оформлению литературной прескриптивной нормы.

Библиографический список

1. Дубинин С.И. Немецкий литературный язык позднего средневековья: юго-западный ареал. Самара, 2000.
2. Сквайрс Е.Р. Ареальная база истории нижненемецкого языка Ганзы. М., 1997.
3. Дубинин С.И., Тетеревенков А.Е. Лексика нижненемецкого происхождения в современном немецком литературном языке. Самара, 2011.
4. Филичева Н.И. Немецкий литературный язык. М., 1992.
5. Кноор U. Beschreibungsprinzipien der neueren Sprachgeschichte: eine kritische Sichtung der sprachwissenschaftlichen, soziologischen, sozialhistorischen und geschichtswissenschaftlichen Begrifflichkeit // Germanistische Linguistik. 1987. № 91/92. S. 11–41.
6. Sanders W. Sachsensprache. Hansesprache. Plattdeutsch. Göttingen, 1985.

Источники фактического материала и принятые сокращения

- Adelung, J. Chr. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart. In 4 Theilen. Leipzig, 1793–1801 [*A*].
- Campe J. H. Wörterbuch der Deutschen Sprache. In 5 Theilen. Braunschweig, 1807 – 1811 [*C*].
- DUDEN Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Bd. 7. Mannheim; Wien; Zürich, 1989 [*D*].
- DUDEN Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1996 [*DI*].
- Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 22. Aufl. Berlin; New York, 1989 [*K*].
- Pfeiffer W. u.a. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. 3 Bd. Berlin, 1989. Bd. 1 – 3 [*P*].
- Weigand Fr. L.K. Deutsches Wörterbuch / hrsg. von H. Hirt. 2. Bd. Gießen, 1909 - 1910 [*W*].